

34. Бардин И. П. Из воспоминаний о Сергее Ивановиче Вавилове // Труды ИИЕТ. Т. 17, М., 1957.
35. Топчиев А. В. Памяти президента Академии наук СССР академика С. И. Вавилова // Памяти Сергея Ивановича Вавилова. М., 1952.
36. Вавилов С. И. Собр. соч. Т. 3. М., 1956.
37. Юбилейная сессия Академии наук СССР 15 июня — 3 июля 1945 г.: В 2-х т. М.-Л., 1948.
38. Вавилов С. И. Двести двадцать лет // Собр. соч. Т. 3. М., 1956. С. 553–558.
39. 220 лет Академии наук СССР. Справочная книга. М.-Л., 1946.
40. Вавилов С. И. Физика Лукреция // Общее собрание Академии наук 16–19 января 1946. Доклады. М.-Л., 1946. С. 147–165.
41. Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). М.-Л., 1950.
42. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 51.
43. Вавилов С. И. Собр. соч. Т. 3. М., 1956.
44. Академия наук СССР и развитие отечественной науки // Вестник АН СССР. 1949. № 2. С. 38–53.
45. Вавилов С. И. Речь при открытии музея М. В. Ломоносова // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.-Л., 1949. С. 889–891.
46. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 70.
47. Вавилов С. И. Ночезрительная труба М. В. Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.-Л., 1946. С. 71–87.
48. Вавилов С. И. Оптические работы и воззрения М. В. Ломоносова // Меншуткин Б. Н. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. Изд. 3-е, с доп. П. Н. Беркова, С. И. Вавилова и Л. Б. Модзалевского. М.-Л., 1947. С. 147–170.
49. Вавилов С. И. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) // Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Т. 1. М.-Л., 1948. С. 63–82.
50. Ньютон И. Лекции по оптике / Перевод, комментарии и редакция академика С. И. Вавилова. М., 1945.
51. Вавилов С. И. Исаак Ньютон. М.-Л., 1943. 4-е изд. М., 1989.
52. Вавилов С. И. Галилей в истории оптики // Галилео Галилей. 1564–1642. Сборник, посвященный 300-летней годовщине со дня смерти Галилео Галилея. М.-Л., 1943. С. 5–56.
53. Вавилов С. И. Академик В. В. Петров — исследователь люминесценции // Академик В. В. Петров. 1761–1834. М.-Л., 1940. С. 5–12.
54. Вавилов С. И. Вступительное слово на торжественном заседании Общего собрания АН СССР в честь 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина. 7 июня 1949 г. в Колонном зале Дома Союзов // Вестник АН СССР. 1949. № 7. С. 9–12.
55. А. С. Пушкин. 1799–1949. Материалы юбилейных торжеств. М.-Л., 1951. С. 29–35, 307–310, 336–337, 367–370.
56. Вавилов С. И. Глаз и Солнце. О свете, Солнце и зрении. М.-Л., 1927. 9-е изд. М., 1976.
57. Вавилов С. И. Несколько слов о книге «Люди русской науки» // Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Т. 1. М.-Л., 1948.
58. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 62.
59. Архив РАН. Ф. 596. Оп. 2. Д. 116.
60. Сонин А. С. Совещание, которое не состоялось // Природа. 1990. № 3. С. 97–102; № 4. С. 91–98; № 5. С. 93–99.
61. Есаков В. Д. Новое о сессии ВАСХНИЛ 1948 года // Репрессированная наука. СПб., 1994.
62. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 57.
63. Коммунист. 1989. № 18.
64. Репрессированная наука. Л., 1991.
65. Векслер В. И. С. И. Вавилов в ФИАНе // УФН. Т. 111. 1973. Вып. 1.
66. Вавилов В. Н., Рокитянский Я. Г. Голгофа. Архивные материалы о последних годах жизни академика Н. И. Вавилова (1940–1943) // Вестник РАН. 1993. № 9. С. 830–846.

Академия наук: листовая архивные документы

М. С. БАСТРАКОВА

АКАДЕМИЯ НАУК И СОЗДАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ (Две записки В. И. Вернадского)*

Академия наук была не только старейшим из научных учреждений России, но и родоначальницей всей обширной и сложной системы научной деятельности на огромной территории нашей страны. Возникновение первых российских обсерваторий и музеев, исследовательских лабораторий, университетов и научных обществ было связано с идеями и трудом ученых Академии. В годичном отчете Академии за 1923 г., составленном незадолго до празднования ее 200-летия, говорилось: «С первого же столетия своей истории Академия наук создала традицию, которой она давала жизнь тем учреждениям, которые казались особенно важными и нужными для данного времени» [1, с. 5].

В начале XX в. «особенно важными и нужными» для обеспечения коллективной научной работы стали специализированные научно-исследовательские институты. Академия наук стояла у истоков движения за их учреждение: ее ученым принадлежала честь обоснования необходимости этой самой прогрессивной формы организации исследований в наше время, разработки первых проектов учреждений такого рода и постановки вопроса о планомерном формировании их общегосударственной сети. Уже в 1900 г. В. В. Докучаев обратился в Академию с предложением создать институт почвоведения, в 1901 г. академик А. С. Фаминцын выдвинул идею института опытной агрономии, а Е. С. Федоров — минералогического института. Эти инициативы тогда не нашли поддержки. Протоколы академических собраний воссоздают картину напряженных исканий в области организации науки, идей, нередко опережавших свое время, и вопиющего несоответствия замыслов ученых реальным условиям, в которых приходилось работать «первенствующему ученому сословию России». Их воплощению в жизнь мешали традиционные для России постоянная нехватка средств, равнодушие властей к нуждам научных учреждений и мертвящее «царство канцелярии», губившее начинания ученых.

Почти десять лет спустя Академия наук вновь вернулась к проблеме создания исследовательских институтов. На этот раз она выступила с коллективной инициативой — проектом «современного научного исследовательского института в память М. В. Ломоносова», для разработки проблем физики, химии и минералогии, причем каждое из его специализированных подразделений мыслилось как самостоятельное исследовательское учреждение с комплексом своих собственных лабораторий. В подготовке проекта приняли участие Н. Н. Бекетов, Б. Б. Голицын, В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург и другие. Ученые приурочили свое выступление к празднованию 200-летнего юбилея М. В. Ломоносова, который и власти, и общество готовились торжественно отметить в декабре 1911 г. Они рассчитывали, что значимость этого события поможет добиться согласия официальных структур

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 98-03-04066).

на создание института, а его учреждение, в свою очередь, станет ключевым мероприятием по увековечению памяти великого ученого.

Прежде всего Академия наук обратилась в Петербургскую Городскую думу с просьбой отвести ей земельный участок для строительства института. Только заручившись согласием городских властей, она могла представить свой проект в правительство. Весной 1911 г. В. И. Вернадский по поручению Академии наук составил записку «О Ломоносовском институте при Имп. Академии наук» для Городской думы. Помимо Вернадского ее подписали Н. Н. Бекетов, Б. Б. Голицын, В. И. Ламанский, А. А. Шахматов и другие ученые, входившие в состав академической Ломоносовской комиссии, ответственной за подготовку юбилейных торжеств. Записка была отпечатана в типографии Академии наук незначительным тиражом, так как была предназначена только для членов Общего собрания и столичной Городской думы. Лишь 80 лет спустя записка вновь увидела свет [2, с. 226–241].

В. И. Вернадский всесторонне обосновал необходимость создания Ломоносовского института и подчеркнул, что только в случае его организации «Академия наук может правильно выполнять свои функции в области опытных наук, поставленные ей преобразователем России Петром Великим», более того, проектируемое исследовательское учреждение будет не только способствовать широкому развитию научной деятельности в стенах Академии, но и «даст России новое орудие умственной работы, увеличит ее значение в общей культуре». Обращаясь к городским властям, он указывал, что «Петербургский Ломоносовский институт явится наилучшим памятником М. В. Ломоносову», который был «создателем духовной силы Петербурга, первым русским ученым, ставшим, по своей работе, наряду с веком, впереди его» [2, с. 239–241].

На просьбу ученых «отцы города» ответили отказом.

В начале следующего, 1912 г. Академия наук вновь обратилась к властям с запиской по поводу выделения средств и земельного участка для Ломоносовского института, причем на этот раз непосредственно к царю. И снова, по поручению Академии, ее составил В. И. Вернадский. Она была написана в форме краткого доклада для Николая II, содержала основные положения записки 1911 г., конкретизировала и даже, несмотря на краткость, развивала некоторые из них. Записка была доведена до сведения царя, а в марте того же года он принял депутацию ученых и обещал свою поддержку. Свидание с царем обнадежило авторов проекта. В апреле Вернадский сообщал А. Е. Ферсману: «Депутация Академии была принята государем перед его отъездом в Крым. Царь принял Ломоносовский институт под свое покровительство, обещал содействовать получению десятины земли в Петербурге, согласился соединить Ломоносовский институт с памятником Ломоносову, на который объявлена всероссийская подписка. Есть его согласие на внесение смет на постройку и оборудование института законодательным путем. Я надеюсь, что осенью дело пойдет в ход» [3, с. 46].

Однако царские обещания так и остались невыполненными. В отчете Академии наук за 1912 г. С. Ф. Ольденбург вынужден был констатировать: «Без движения остается вопрос о Ломоносовском институте, так как все не выясняется возможность получить подходящий участок земли» [4, с. 11]. В течение 1913–1916 гг. Академия наук несколько раз обращалась в правительство, однако ни земельного участка, ни средств, необходимых для сооружения «современного научного исследовательского института», она так и не получила.

Вниманию читателей предлагается записка о Ломоносовском институте, подготовленная В. И. Вернадским в 1912 г. Она не озаглавлена и не датирована. Время написания установлено по содержанию, личной переписке Вернадского и официальным документам Академии наук тех лет. Записка публикуется впервые.

Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1911. Д. 41. Л. 25–26.

В. И. Вернадский

[О Ломоносовском институте]

Императорская Академия наук, искони пользующаяся счастьем находиться под особенным Высочайшим покровительством, решается всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество принять под Вашу Высокую руку ее новое научное начинание.

Необходимость его вызвана тем совершенно исключительным развитием, какое физико-химические науки — физика, химия, минералогия — получили в истекшее первое десятилетие XX века. Пред человечеством открылись такие возможности проникновения в тайны природы, о каких еще недавно нельзя было и мечтать. Несомненно, что последствием этого успеха явятся не только великие перемены в понимании законов природы; он должен могущественным образом отозваться и на явлениях жизни: от роста физико-химических наук в теснейшей зависимости находится и развитие техники с ее бесчисленными применениями к потребностям бытовым и государственным.

Но чтобы при неизменно быстром росте физико-химического знания постоянно быть на уровне, чтобы своевременно овладевать и пользоваться той новой силой, какую дает оно человеку и государству, необходима совершенно новая организация научной работы. Сознание этой необходимости сказалось уже во многих странах основанием научных учреждений нового типа, делающих возможными такие обширные, сложные и точные исследования, какие ранее были немыслимы.

Такая великая страна, как Россия, не может и не должна остаться чуждой тому напряженному соревнованию, которое на этом поприще проявляют страны Западной Европы и страны за Океаном. Этого не допускает не только благородное чувство национальной гордости, но, насколько могут о том судить люди науки, и сознание государственной пользы.

Императорская Академия наук, коей Высочайше дарованным ей уставом вменено в обязанность, расширяя пределы полезных человечеству знаний, совершенствуя и обогащая их новыми открытиями, обращать труды свои на пользу России¹, не может не осознавать, что она не в силах будет в полной мере удовлетворять своему назначению, если при изменившихся способах научного исследования не будет иметь в своем ведении учреждения, им соответствующего.

Нельзя тому быть, чтобы русские ученые, давно уже наравне со своими иноземными собратьями с честью трудящиеся на ниве науки, были только свидетелями, а не деятельными участниками той обильной жатвы открытий, время которой наступает. Но для новой работы необходимы новые орудия.

Их может дать только устройство особых исследовательских институтов, вполне приспособленных к потребностям опытного научного изыскания и стоящих на высоте современной научной техники. Без них в этих областях знания вянет и не может достигать полного проявления самый гениальный ум.

В Соединенных Штатах Северной Америки, во Франции, Англии, Австро-Венгрии основываются или действуют подобного рода учреждения. В Германии во главе движения стал император Вильгельм, создавший для этого фонд в несколько миллионов марок.²

Императорская Академия пришла к убеждению, что своевременно было бы учредить исследовательский институт и в России. Не имея его, русские ученые вынуждены или делать не все то, что им было по силам, а то немногое, что им по средствам, или искать применения своим знаниям в заграничных ученых учреждениях.

Нуждаясь для устройства нового учреждения в свободном месте, Императорская Академия наук испрашивает соизволения Вашего Императорского Величества на предоставление ей для этой цели в Санкт-Петербурге участка из свободных казенных земель, в размере приблизительно одной десятины.

Только обладая землей, Академия могла бы войти в установленном порядке с представлением о назначении средств, необходимых для сооружения института опытных исследований. На содержание личного его состава и ученые его работы могли бы быть обращены средства существующих уже при Академии учреждений — Физического кабинета, Химической и Минералогической лаборатории; таким образом штат нового учреждения не потребовал бы значительного увеличения ассигнований.

Академия, памятуя только что исполнившийся двухсотлетний юбилей первого русского ученого, отдавшего свою жизнь науке, России и Академии, предполагала бы назвать этот институт Ломоносовским и соединить с ним тот памятник Ломоносову, на сооружение которого, с соизволения Вашего Императорского Величества, объявлена уже всероссийская подписка.

К этому последнему предположению склоняет Академию мысль, что знаменательность памятника увеличилась бы от его соединения с учреждением, посвященным усовершенствованию тех наук, которые были всего более предметом трудов и гениальных размышлений Ломоносова.

Близость Ломоносовского института к зданиям Академии наук была бы особенно важна, и потому Академия, ходатайствуя об отведении ей для Ломоносовского института участка земли, позволяет себе надеяться, что будет признано возможным отвести его в недалеком расстоянии от других учреждений Академии наук.

[1912]

Примечания

1. В начале XX в. Академия наук жила по Уставу, утвержденному Николаем I в 1836 г. Параграф, который определял ее обязанности и на который ссылался В. И. Вернадский, гласил: «а) Она старается расширять пределы всякого рода полезных человечеству знаний, совершенствуя и обогащая оные новыми открытиями. б) Она имеет попечение о распространении просвещения вообще и о направлении оного к благу общему. в) Она старается приспособлять полезные теории и следствия опытов и ученых наблюдений к практическому употреблению» (Уставы Академии наук СССР. 1724–1974. М., 1974. С. 92).
2. Речь идет об «Обществе Кайзера Вильгельма», созданном в Берлине в 1911 г. под эгидой императора Вильгельма II. Целью этой организации была поддержка исследований в области химической технологии, энергетики, физики, биологии, а также формирование системы необходимых научных учреждений, преимущественно институтов. Для развертывания работы Общества правительство Германии отпустило 11 млн марок, а затем в его пользу делало ежегодные финансовые отчисления. Кроме того, значительную сумму — до 75 млн марок — собрали для него заинтересованные промышленные фирмы.

Проект Ломоносовского института так и не осуществился. Между тем его реализации ученые придавали важное значение еще и потому, что он, по их замыслу, не только должен был положить начало формированию будущей сети академических научно-исследовательских институтов, но и «стать началом нового научного движения в России». Уже несколько лет спустя, в 1915–1917 гг., ученые Академии наук и других научных учреждений страны, объединившиеся вокруг академической Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), приступили к разработке проектов целой системы научно-исследовательских институтов, ориентированных не только на фундаментальные исследования, но и на решение первоочередных народно-хозяйственных проблем. В. И. Вернадский не-

однократно указывал на необходимость создания Радиевого института, в 1915 г. А. М. Соколов и А. Е. Ферсман выступили с проектом организации Института по исследованию огнеупоров и глин; в 1916 г. Н. С. Курнаков и Л. А. Чугаев выдвинули план создания Института по изучению платины, Н. С. Курнаков предложил учредить Институт физико-химического анализа и особую исследовательскую станцию для изучения химического сырья залива Кара-Богаз-Гол, а П. Ю. Шмидт представил план создания Государственного центра гидрологических исследований. Всего с 1915 г. по 1917 г. на рассмотрение Комиссии было представлено в общей сложности до 20 проектов специализированных институтов и лабораторий, в том числе институтов общей и прикладной химии, металлографии и сплавов, нефти и эфирных масел, лекарственных растений и др., а также тех, которые еще пять лет назад предполагалось учредить как подразделения Ломоносовского института, — химического, физического и минералогического.

Проблема исследовательских институтов перешла на новую ступень. Как писал на рубеже 1916–1917 гг. В. И. Вернадский, жизнь потребовала перейти «от случайных, единичных начинаний» к «плановой широкой государственной деятельности» (см. его записку, публикуемую ниже). Ученые Академии наук поставили на повестку дня вопрос о формировании общегосударственной сети исследовательских учреждений разного профиля и назначения. 18 декабря 1916 г. В. И. Вернадский прочитал на заседании Комиссии по изучению естественных производительных сил доклад «О государственной сети исследовательских институтов» [6, с. 156–161; 7, с. 26–31]. Он рассмотрел ряд общих вопросов, связанных с созданием системы научно-исследовательских учреждений России и организацией науки в общенациональном масштабе, в частности указал на то, что необходимость формирования такой системы вызвана, с одной стороны, современными запросами развития науки, а с другой — насущными нуждами хозяйственного и культурного развития страны. Вернадский впервые поставил вопрос о том, что «должен быть составлен план сети научно-исследовательских институтов России», и подчеркнул: «составление такого плана должно явиться ближайшей задачей нашей Комиссии» [7, с. 31].

Среди материалов В. И. Вернадского, связанных с его работой на посту председателя Комиссии по изучению естественных производительных сил, хранится записка, посвященная конкретным задачам Комиссии в области разработки плана государственной сети научных учреждений. Записка не датирована, но, судя по ее содержанию, написана в конце декабря 1916 г. или в январе 1917 г. Она логически связана с речью В. И. Вернадского «О государственной сети исследовательских институтов» (1916) и развивает намеченные в ней общие положения.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 307. Л. 1–11.

В. И. Вернадский

**О задачах Комиссии по изучению естественных производительных сил
в деле организации специализированных исследовательских институтов**

1. Главной задачей нашей Комиссии в течение текущего академического года должна, по моему мнению, явиться работа по выяснению и подготовке плана создания в России к концу войны и после войны сети исследовательских институтов, связанных с изучением естественных производительных сил нашей страны.

Работа должна иметь целью:

1) Подготовку общественного мнения в необходимости такой научной организации с точки зрения ее государственного значения в данный исторический момент;

2) выяснение характера необходимых научных институтов и основных принципов их устройства. Желательно и необходимо обсудить и выяснить, какие исследовательские учреждения должны быть созданы, в какой последовательности и где, каковы должны быть их отношения к высшим ученым и учебным учреждениям нашей страны и к отдельным ведомствам;

3) подготовку к внесению через Императорскую Академию наук на рассмотрение правительства к концу академического года выработанных законопроектов, как об отдельных исследовательских учреждениях, так и о неполной или частной сети. Было бы желательно, чтобы уже ныне, не дожидаясь окончания войны, эти законопроекты были внесены на утверждение законодательных учреждений.

2. Для осуществления этой цели необходима организация при Комиссии отдельных подкомиссий или совещаний для обсуждения частных отдельных проектов и выработки основных положений таких исследовательских институтов.

Одновременно с сим желательно, чтобы в общих заседаниях нашей Комиссии были сделаны отдельные сообщения, и посвящены им беседы, касающиеся этого вопроса. Было бы желательно, чтобы более или менее последовательно были бы организованы заседания, посвященные суждению о таких учреждениях химико-физического, геолого-минералогического, биологического характера. Очевидно, при этом может и должна идти речь не только о создании новых учреждений, но и о расширении средств и возможностей уже существующих учреждений этого характера или о том, чтобы, считаясь с этими существующими учреждениями, создать вновь недостающие.

Несомненно, такие обсуждения этих вопросов в пределах нашей Комиссии при самом широком привлечении к участию в ее работах всех лиц, кому дороги и близки эти задачи, все же недостаточны для более прочного и длительного влияния на общественную мысль. А потому необходимо широкое применение печати, то есть необходимо печатание докладов, прений, записок или проектов, касающихся этого вопроса. Может быть, в связи с этим было бы желательно и необходимо дать в виде отдельных небольших книжек описания аналогичных учреждений, живых и сильных, существующих в той или иной стране, — серию изданий вроде наших «Материалов»¹.

3. Несомненно, такая задача может показаться слишком широкой, многообъемлющей и потому далекой от исполнимости и от близкого осуществления. Однако нельзя забывать, что мы переживаем момент, единственный в истории и что мы можем выйти из переживаемого величайшего потрясения только новыми, необычными, героическими средствами.

К таким новым средствам выхода из созданного войной положения является сейчас для всех государств и для всего человечества широкая организация научной творческой работы, затраты на нее значительных средств, как в виде единовременных [выплат], так и в виде ежегодных денежных назначений. То, к чему подходило человечество перед войной в виде случайных, единичных начинаний, теперь должно быть осуществлено в виде планомерной, широкой государственной деятельности.

Нет никакого сомнения, что потраченные на эту организацию миллионы или десятки миллионов рублей очень быстро окупятся, так как у нас есть только единственная возможность быстро покрыть траты и ущербы войны, а именно — поднять производительность народного труда, повысить его энергию, создать быстро новые ценности, перевести в национальное богатство скрытые возможности, таящиеся в естественных производительных силах нашей страны. Все это может быть сделано только тогда, когда в стране широко разовьется творческая научная работа, а она может пойти только тогда, когда ей дана будет возможность развития в организации.

Для этого, наряду с другими условиями, стоящими вне наших занятий, неизбежно должны явиться научные исследовательские институты, которые дают нужные средства работы и сплачивают труд организованных научных работников. Без их создания никакие другие меры одни не будут достаточны для достижения данной

цели. Должно войти в общее сознание, что создание таких исследовательских научных учреждений должно явиться объектом государственной работы и государственной деятельности в не меньшей степени, чем работа над созданием школ разного типа, постройкой железных дорог, организацией почт или телеграфов и так далее. Сейчас эта, в общем, новая сторона государственной деятельности выдвигается событиями жизни на первый план еще больше, чем выдвигаются в XX веке новые стороны государственной деятельности — авиация или радиация.

4. Ввиду того, что, с одной стороны, жизнь требует создания таких учреждений, а с другой — в общественном сознании недостаточно продуманы основные их черты, является необходимым ныне же выяснить некоторые совершенно неизбежные основные принципы их устройства, без соблюдения которых данные учреждения не могут правильно и плодотворно развиваться.

Таковыми основными чертами этих учреждений должны являться:

1) Широкая научная основа всей их деятельности, всего их устройства. Какие бы вопросы практического характера им не ставились жизнью или государственной властью, рассмотрение и исследование этих вопросов должны идти не только широким научным путем — научными методами и приемами, — но во всей деятельности этих учреждений интересы и вопросы научного характера отнюдь никогда и ни в коем случае не должны занимать подчиненное или второстепенное место. Только при этом условии возможно сейчас широкое и глубоко творческое захватывание практических вопросов, связанных с использованием естественных производительных сил нашей страны. Если только научная постановка работы и ее не движимое значение во всем строе этих учреждений не будет проведено в жизнь, деятельность их не может правильно развиваться, и они не смогут дать нашему народу, нашей работе то, что должны дать.

2) Достаточные материальные средства, которые позволили бы иметь в своем распоряжении максимальные силы природы, как и доступное, и максимальное при данных условиях государственной жизни количество работников, причем должна быть создана такая форма дотации и организации этих учреждений, при которой получалась бы большая гибкость в использовании этих средств и работников в зависимости от открывающихся возможностей научной работы.

3) Обеспеченная многолетняя длительность их деятельности, которая позволила бы вести работы, рассчитанные на годы.

5. Из научной основы таких учреждений неизбежно вытекают некоторые их черты, которые должны быть непременно проведены в их организации. Прежде всего, такие учреждения должны обладать возможной автономией в своем внутреннем устройстве, не могут быть включены в бюрократические рамки ведомств. Эта автономия должна обеспечивать им как независимость в выборе персонала, так и независимость в характере и методах работы и их последовательности. Контроль государства должен лишь касаться обычной для казенных учреждений проверки правильности в расходовании средств и в постановке практических заданий для разрешения, причем в обсуждении их возможности и срочности должны быть выслушаны заключения исследовательского института.

Другой чертой, тесно связанной с тем же научным характером учреждения, должны быть широкая независимость и возможность инициативы со стороны лица, поставленного во главе данного учреждения.

Наконец, необходима тесная связь этих учреждений с научной средой в России, причем они могли бы 1) давать возможность и средства осуществлять научную инициативу отдельных научных работников, 2) давать возможность научным организациям и отдельным ученым участвовать в разработке поставленных научным учреждением задач и в самой постановке на очередь тех или иных задач.

Так как, очевидно, придется создавать эти исследовательские институты в среде, где уже существуют другие свободные или государственные центры научной работы, то, очевидно, все эти обстоятельства должны быть приняты при организации дела.

6. Приноравливаясь к сложившимся формам жизни, мне представлялось бы наиболее правильным — такая организация этих учреждений: исследовательские институты создаются при Императорской Академии наук, Конференция которой выбирает бессрочного директора института, который становится, если он не академик, полноправным членом Конференции Академии наук, пока он состоит директором института. Институт управляется директором и комитетом, в состав которого входят соответственно представители ведомств, избранные представители Академии наук, указанных в уставе высших учебных заведений, научных обществ и съездов русских естествоиспытателей. Положение комитета независимо от Академии наук, аналогично положению Комитета Пулковской обсерватории или Главной физической². Институт может иметь отделения в других городах.

Принимая, однако, во внимание практические условия жизни и сложившиеся традиции, я считаю возможным — в отдельных случаях — организацию таких учреждений, и не состоящих при Академии наук (что, мне кажется, обеспечивает наибольшую их независимость и от чиновничьей среды, и во внутренней их жизни от кого бы то ни было), а при других учреждениях или ведомствах. Так, например, по исторической традиции и более легкой практической осуществимости возможна организация Топографическо-геодезического института при Военном министерстве или того или другого института при какой-нибудь из высших школ вне Петрограда или даже в Петрограде. Но и в таком случае мне бы представлялось необходимым сохранить климат научной работы и состав комитета, независимый от ведомства. Было бы желательно и в этом случае иметь несменяемого директора и участие в его выборе автономного и независимого совета высшего учебного заведения или в ведомственных учреждениях Академии наук.

7. Обращаясь к характеру исследовательских институтов, связанных с изучением производительных сил России, вызываемым сейчас обстоятельствами времени, мне кажется, что на первом месте должны быть поставлены следующие задачи, которые я перечисляю здесь без особого порядка и которые, равно как и все предыдущие рассуждения, должны рассматриваться только как материал для суждения Комиссии в текущем году:

1) Государственная химическая лаборатория, принословенная для работ аналитического характера.

2) Опытный химический институт, который может быть совмещен с представленным в законодательном учреждении законопроектом о постройке Ломоносовского института. Но, несомненно, сейчас жизнь требует гораздо более широкой постановки такого учреждения. В то же самое время нельзя забывать, что законопроект касается лишь здания для Института.

3) Такой же Физический институт, находящийся в том же положении.

4) Такой же Минералогический институт, находящийся в том же положении.

5) Такой же Биологический институт для работ, связанных с опытными биологическими науками.

6) Радиевый институт.

7) Керамическая лаборатория исследовательского характера, проект которой был выработан в первоначальных чертах в прошлом году. В общем, такой институт должен быть посвящен научному и научно-техническому исследованию, главным образом, соединений кремния и алюминия.

8) Металлургический институт.

9) Топографическо-геодезический институт.

10) Институт, посвященный вопросам, связанным с авиацией и т. д.

11) Статистический, Институт исследования скотоводства, Почвенный.

8. Несомненно, количество таких разнообразных учреждений, связанных с потребностями дня, может быть значительно увеличено, и, следя за ходом общественной мысли, я постоянно вижу проявление разнообразных предположений этого рода, нередко замирающим при самом своем возникновении, благодаря отсутствию реальной возможности подвинуть их на осуществление. Мне кажется, об-

суждение этих вопросов в нашей Комиссии даст возможность бережного и внимательного отношения к частной и общественной инициативе в этом направлении, что сейчас является чрезвычайно важным.

Помимо таких учреждений общего характера, как вышеперечисленные, распределение которых в пределах России является более или менее произвольным, есть такого рода учреждения, которые неизбежно должны быть приноровлены к определенным местностям. Таков, например, самый институт со станцией в Карабугазе, выдвинутый уже нашей Комиссией, или бальнеологический институт и лаборатория, неизбежно приноровленные к Кавказским минеральным водам.

9. Задачей Комиссии в текущем году должно являться как сосредоточение всех материалов, относящихся к этим вопросам, так и их обсуждение и выработка общего плана на осуществление, рассчитанного на многие годы согласно определенной последовательности.

Несомненно, в правильном решении этих вопросов заинтересованы широкие круги российских натуралистов. Комиссии предстояло обсудить форму их участия в разрешении этих вопросов. Но прежде всего, не ожидая решения этого вопроса, необходимо ей самой начать немедленно эту работу.

[декабрь 1916 г. — январь 1917 г.]

Примечания

1. «Материалы Комиссии по изучению естественных производительных сил» — серийное издание, предпринятое Комиссией в 1915 г. Оно представляло собой самостоятельные очерки, которые содержали оперативную информацию об отдельных видах сырья или отраслях народного хозяйства. В течение 1916–1917 гг. вышли в свет только 2 очерка — В. Н. Любименко «Табачная промышленность в России» (Пг., 1916) и Е. Ф. Лискун «Мясной вопрос в современной хозяйственной обстановке» (Пг., 1917).
2. Во второй половине XIX — начале XX вв. Главная астрономическая обсерватория в Пулковке находилась в административном подчинении Министерства народного просвещения. В 1863 г. был создан Комитет, основной задачей которого было обеспечение связи Обсерватории с Академией наук, Русским географическим обществом и заинтересованными учреждениями — Военно-топографическим бюро, Гидрографическим департаментом, Академией генерального штаба, Морским ученым комитетом. Связь с Академией наук обеспечивалась главным образом тем, что председателем Комитета был президент Академии, а его обязательными членами — Непременный секретарь и директор — академик. Аналогичным образом был устроен Комитет Главной физической обсерватории.

* * *

Зимой 1917 г. ученые — члены академической Комиссии по изучению естественных производительных сил и представители крупнейших научных обществ обсуждали записку В. И. Вернадского, дополняя ее новыми идеями и проектами. Если суммировать их предложения, окажется, что незадолго до Февральской и Октябрьской революций родился план многоступенчатой системы научных учреждений, охватывающих всю страну, — от селекционных станций и производственных лабораторий до крупных исследовательских институтов и таких «мощных государственных организаций», как Центр хозяйственного изучения России или Центр по охране природы. Он полностью отвечал потребностям научного и хозяйственного развития страны. Не случайно поэтому, что этот план, правда, в весьма

ограниченном объеме, начал осуществляться уже год спустя, несмотря на обрушившиеся на страну социальные потрясения, гражданскую войну и разруху.

В 1919 г. В. И. Вернадский отметил, что как ни опасны и разрушительны «для текущей культурной работы» периоды революционных кризисов, тем не менее именно тогда «может быть с большей легкостью проведена в жизнь широкая организация научной творческой работы, которая с таким трудом возникает в обычное время. ... Ибо во всяком революционном движении есть элементы осуществления исторически слагавшихся нужд и чаяний». (Фрагмент статьи хранится в Мемориальном кабинете-музее В. И. Вернадского при ГЕОХИ РАН.) В первые месяцы после Февральской революции Временное правительство утвердило законопроекты о создании некоторых институтов, а несколько месяцев спустя после Октябрьской революции в мае 1918 г. в составе Академии наук начали работать Институт физико-химического анализа и Институт по изучению платины; в 1919 г. приступил к работе и Физико-математический институт, возглавивший исследования в области математики, физики и сейсмологии; в первой половине 20-х гг. в строй научных учреждений Академии вошли Физиологический институт, Химический институт и Почвенный институт им. В. В. Докучаева. Эти учреждения положили начало будущему комплексу академических исследовательских институтов.

В первые послереволюционные годы Академия наук сыграла важную роль в процессе формирования общегосударственной сети научных институтов независимо от того, при каком ведомстве они создавались. Достаточно вспомнить, что по проектам Академии и при руководящем участии ее ученых в 1918 г. — первой половине 1920-х гг. были организованы Государственный физико-технический институт, Государственный радиевый институт, Государственный оптический институт и Российский гидрологический институт, работавшие в системе Наркомпроса; Институт биологической физики и Институт экспериментальной биологии — первенцы научного аппарата отечественного здравоохранения; Институт опытной агрономии — крупное научно-исследовательское учреждение комплексного характера, взявшее на себя научное обслуживание сельского и лесного хозяйства. Ученые Академии наук активно участвовали в проектировании, создании и налаживании работы первых научных институтов, призванных обеспечить подъем отечественной промышленности, таких, например, как Научно-технический пищевой институт, Научный институт по удобрениям, Институт прикладной химии, Институт прикладной минералогии и некоторые другие.

Институты, организованные тогда по проектам, под руководством или при участии Академии наук, составили первоначальную основу всей будущей сети научных учреждений страны. Большинство из них было ориентировано на решение первоочередных народно-хозяйственных задач, однако их основными чертами были, как писал в своей записке В. И. Вернадский, «широкая научная основа всей их деятельности, всего их устройства». Они восприняли лучшие традиции передовой академической науки: высокую культуру исследований, интерес к фундаментальным проблемам естествознания и техники, стремление сочетать изучение теоретических вопросов с решением задач прикладного народно-хозяйственного значения. Эти черты, унаследованные от Академии наук первыми научно-исследовательскими институтами, определили характер работы и направление развития всей их системы на многие десятилетия вперед.

Литература

1. Отчет о деятельности Российской академии наук за 1923 г. Пг., 1923.
2. Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М., 1989.
3. Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману. М., 1985.
4. Отчет о деятельности Имп. Академии наук за 1912 г. СПб., 1912.
6. Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Пг., 1917. № 8.
7. Вернадский В. И. Очерки и речи. Вып. 1. Пг., 1922.

В. Ю. АФИАНИ, С. С. ИЛИЗАРОВ

«...МЫ РАЗГОНИМ К ЧЁРТОВОЙ МАТЕРИ АКАДЕМИЮ НАУК», —
заявил 11 июля 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев

Предисловие

Недавно, 14 февраля 1995 г., Комиссия по рассекречиванию документов, созданных КПСС, сняла гриф с одного примечательного текста, и событие, о котором многие слышали, получило наконец подтверждение подлинным историческим источником. Да, это оказалось правдой, Н. С. Хрущев действительно собирався или, по крайней мере, реально угрожал разогнать Академию наук СССР «к чёртовой матери!». Впрочем, никого секрета не было относительно его неоднократных поползновений к радикальной реструктуризации АН СССР, по его мнению, — чрезмерно громоздкой, оторванной от реальных нужд народного хозяйства, а самое главное, становившейся все менее управляемой и все более строптивой.

Так, в мае 1959 г. на высшем партийном уровне Н. С. Хрущев выдвинул предложение о реорганизации АН СССР путем ее раздробления на несколько академий. Итог известен: реформа Отделения технических наук и передача части учреждений в систему промышленности и народного хозяйства.

Строптивость Академии и непослушание по ряду вопросов привели в конце апреля 1961 г. к очередному конфликту и очередной угрозе Хрущева — распустить Академию. Президент Академии наук А. Н. Несмеянов вынужден был ответить: «Ну что же, Петр Великий открыл Академию, а Вы ее закроете» [1, с. 208]. Итог: 4 мая 1961 г. А. Н. Несмеянов направил в Президиум АН СССР заявление об отставке, а 19 мая Общее собрание АН СССР освободило его от обязанностей президента [2].

Мысль реформатора работала дальше. В апреле 1963 г. «Проект записки Н. С. Хрущева в Президиум ЦК по вопросам дальнейшего развития науки» был направлен для замечаний и предложений академиком М. В. Келдышу, Б. Е. Патону, М. А. Лаврентьеву и председателю Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ К. Н. Рудневу. Ответы были получены (среди них наибольшим радикализмом отличался президент АН СССР М. В. Келдыш), проанализированы и учтены в новом тексте «Записки...», составленной 10 июня 1963 г. Итог: в конце июля Хрущев принял решение вопрос «отложить»*.

* «Записка...» Н. С. Хрущева и весь комплекс документов подготовлен для публикации в сборнике «Архив науки и техники».